

ПАВЕЛ
НАСЕДКИН

Хроника
великой
экспансии

ЭПОХА ВИКИНГОВ

Павел Наседкин

Эпоха Викингов

<https://litres.ru/72585487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Забудьте всё, что вы знали о викингах.

Это не просто история набегов и рогатых шлемов. Это — эпическое путешествие в мир гениальных корабелов, отчаянных первооткрывателей и тонких дипломатов. Книга проведет вас сквозь дымку мифов к суровой реальности: от набега на Линдисфарн, потрясшего Европу, до берегов Америки, открытых за пять веков до Колумба; от драккаров, наводивших ужас, до тингов, где рождались основы демократии.

Откройте подлинную историю людей, которые не просто грабили и завоевывали, но открывали, торговали, строили и правили. Их наследие живет в наших генах, городах, языках и душах. Добро пожаловать в эпоху викингов — такой, какой она была на самом деле.

Павел Наседкин

Эпоха Викингов

ПРОЛОГ

МИФ И РЕАЛЬНОСТЬ

Викинги – при прочтении этого слова у вас, скорее всего, возник образ жестокого язычника в рогатом шлеме, безжалостно убивающего людей, а их история? У знатоков истории их история начинается с нападения на монастырь, и даже они замечают только деяния необразованных викингов-тиранов.

Реальность куда сложнее, масштабнее и интереснее.

Викинги были не просто «яростью норманнов». Они были гениальными корабелями, чьи драккары стали ключом к трем частям света. Они были безжалостными завоевателями, которые сносили с карты королевства, и – тонкими дипломатами, основавшими свои. Они были отчаянными первопроходцами, бросившими вызов льдам Гренландии и достигшими берегов Америки за пять столетий до Колумба. Они были торговцами, чьи сети протянулись от базаров Багдада до фьордов Исландии, и наемниками, чья верность ценилась в императорской гвардии Константинополя.

Они строили города, творили законы на своих народных тингах. Их поэты-скальды складывали сложнейшие стихи, а

ремесленники воплощали в дереве и металле дикий, пульсирующий «звериный» стиль.

Эта книга – подробное изучение истории, природы и культуры викингов. Это путешествие сквозь дымку мифов к суровой и величественной реальности. Мы проследим, как из разрозненных скандинавских общин, зажатых суровой природой и собственными распрями, вырвалась сила, навсегда изменившая ход истории Европы и России. Мы разберемся, что заставило их пуститься в плавание, как они находили путь в беззвездную ночь и почему их эпоха так же внезапно закончилась, как и началась.

Отбросьте привычные образы. Забудьте о рогатых шлемах. Пришло время узнать подлинную историю людей, которые не просто грабили и завоевывали, но – открывали, торговали, создавали и правили. Историю, где за легендой о ярости скрывается наследие, которое до сих пор живет в наших генах, городах, языках и душах.

Добро пожаловать в эпоху викингов. Такой, какой она была на самом деле.

ВВЕДЕНИЕ

СКАНДИНАВИЯ НА ПОРОГЕ ЭПОХИ ВИКИНГОВ

Прежде чем драккары викингов бросили тень на берега

Европы, существовал сложный, суровый и глубоко мифологический мир. Эпоха викингов не возникла из вакуума; она стала закономерным итогом многовекового развития уникальной цивилизации, созревшей на периферии Ойкумены. Его география, климат, общественное устройство и верования сформировали идеальные условия для грядущей экспансии.

География Скандинавии была не просто декорацией, а главным действующим лицом ранней истории. До конца VIII века н.э. мир скандинавов был сосредоточен на одноименном полуострове, охватывая территории современных Норвегии, Швеции и Дании, которая тогда включала южную часть Свеаланда (Сконе) и была соединена сухопутным перешейком с континентом.

Суровый и фрагментированный ландшафт предопределил образ жизни и расселение. В Норвегии общины селились в узких плодородных долинах, зажатых между фьордами и горами, что эффективно изолировало их друг от друга. В Швеции основными артериями жизни были большие озера и реки, текущие на юг и восток, в то время как обширные леса разделяли регионы. Дания, с ее равнинным рельефом, плодородными почвами и обилием островов, была более открыта для контактов с Европой. Море было не преградой, а главным путем сообщения, связывая разбросанные поселения гораздо лучше сухопутных троп. Основными видами деятельности были животноводство и земледелие, где позво-

ляла почва, а также охота, рыболовство и добыча морского зверя.

Климат не был постоянным и пережил значительные колебания. После римского климатического оптимума (I–IV вв. н.э.), который был теплее и стабильнее современного и позволил земледелию продвинуться на север, а населению – расти, примерно с V–VI веков наступил период похолодания – «Пессимум раннего Средневековья». Данные палеоклиматологии показывают, что это было общее похолодание, перемежавшееся короткими и непредсказуемыми потеплениями. Лета стали короче, прохладнее и дождливее, зимы – суровее. Урожайи, особенно на севере, стали нестабильными, ледовая обстановка ухудшилась. Эта экологическая «теснота» создала давление на ресурсы, способствуя миграциям, внутренним конфликтам и стало одной из ключевых материальных предпосылок будущей экспансии как способа найти новые земли и источники пропитания.

Общественное устройство скандинавов было сложным парадоксальным сплавом племенной анархии и строгой иерархии, грубой силы и зачатков права. Оно базировалось на племенных, родовых связях, формируя «вождество» – конгломерат независимых общин и мелких царств без централизованного государства.

Основной ячейкой был отдельный хутор (двор) – большое семейное хозяйство, включающее семью хозяина, родственников, рабов и вольноотпущенников. Несколько хуторов об-

разовывали общину, совместно решающую вопросы землепользования, суда и обороны. Во главе стоял хёвдинг или конунг (kuningaz) – военный вождь, чья власть основывалась не на абсолютном наследственном праве, а на личных качествах: военной доблести, удачливости, щедрости и способности обеспечивать своих людей, одаривая их для удержания лояльности.

Краеугольным камнем общества был тинг (þing) – народное собрание, где свободные землевладельцы, бонды, ощущали свою агенсу (способность влиять на судьбу). Здесь они, опора общества, решали важнейшие вопросы: избирали или признавали вождя, объявляли войну или мир, вершили суд. Это была традиция публичного договора и права на голос, сформировавшая уникальный социальный тип свободного человека, для которого понятие чести (drengskapr) значило больше жизни. Археология подтверждает это: погребения знати и простых бондов не столь разительно отличаются, что говорит о более «горизонтальной» структуре по сравнению с континентальной Европой.

Внизу социальной лестницы находились рабы, считавшиеся живой собственностью, но их статус не был постоянным – они могли получить свободу. Эта система, построенная на личной верности и коллективном принятии решений, создала идеальную основу для эпохи викингов, где небольшие группы под предводительством амбициозного лидера могли легко самоорганизовываться для дальних походов.

Верования древних скандинавов, или скандинавское язычество (асатру), были не религией с четкими догмами, а комплексной, глубоко экзистенциальной системой взглядов, набором практик и мифов, укорененных в повседневной жизни и географии. Это был способ объяснения враждебного мира.

Центральной идеей была цикличность и неизбежная борьба между порядком и хаосом. Мир состоял из девяти миров, соединенных древом Иггдрасиль (Мидгард, Асгард, Йотунхейм и др.). Боги (асы и ваны), среди которых более всего почитались Один и Тор, не были всемогущими образцами добродетели – они старели, были подвержены страстям и обману. Центральным мифом был Рагнарёк – грядущая гибель богов и вселенной. Знание о неизбежном конце делало веру трагической и героической, воспитывая идеал бесстрашия перед лицом неминуемого.

Религия была практичной и приземленной, направленной на обеспечение удачи (hamingja), плодородия и победы в материальном мире. Люди приносили жертвы – от еды и питья до оружия, драгоценностей и животных – чтобы просить об урожае, победе или удаче в мореплавании. Места поклонения были простыми: священные рощи, холмы, камни, озера или домашние святилища; ритуалы часто проводил глава семьи или вождь.

Таким образом, Скандинавия конца VIII века представляла собой уникальный тигель. Общество свободных и воору-

женных землевладельцев, объединенных силой традиции и права, но раздираемое внутренним соперничеством; цивилизация, достигшая мастерства в мореплавании, но стесненная суровой природой и нестабильным климатом; культура, смотревшая в лицо своему концу. Это был перенапряженный мир, который был готов выпустить свою энергию вовне. Все предпосылки для начала эпохи викингов были налицо.

ГЛАВА 1:

ПЕРВЫЙ УДАР: НАБЕГ НА ЛИНДИСФАРН И РОЖДЕНИЕ МИФА

Остров Линдисфарн, также известный как Святой остров, представляет собой приливный остров у северо-восточного побережья Англии в Нортумбрии. До прихода христианства остров, скорее всего, был необитаем или использовался кельтами как временное пристанище для рыбаков и отшельников. Его судьба коренным образом изменилась в 635 году, когда король Нортумбрии Освальд пригласил святого Айдана с острова Айона основать здесь монастырь. Линдисфарн был выбран идеальным местом: достаточно близко к королевской резиденции в Бамбурге, чтобы находиться под защитой, и достаточно далеко в море, чтобы обеспечить аскетичное уединение.

Монастырь быстро стал духовным и интеллектуальным

центром не только Нортумбрии, но и всей Европы. Он был епископской кафедрой, и отсюда миссионеры отправлялись обращать в христианство язычников-англов и саксов. Но истинную славу Линдисфарну принесли его искусные писцы и художники. В тишине скрипториев монахи создавали великолепно иллюминированные рукописи. Венцом их творчества стало Евангелие из Линдисфарна – шедевр книжного искусства, созданный около 700 года епископом Эдфритом. Остров стал богатым. Паломники стекались к мощам святого Кутберта, чье тело было погребено на острове. К концу VIII века Линдисфарн был славной и сияющей жемчужиной христианского мира, маяком учености и благочестия. Однако это же богатство и слава сделали его идеальной мишенью.

В сознании западноевропейского мира 8 июня 793 года от Рождества Христова провело неизгладимую черту. До этой даты море было дорогой для торговцев, миссионеров и редких пиратов. После – оно превратилось в завесу неведомых ужасов. Именно тогда, на горизонте, появились чужие паруса. Не торговые суда и не рыбацкие лодки. Это были длинные, низкие, стремительные ладьи с высоко загнутыми носом и кормой, украшенными головами драконов. Для монахов, видевших лишь родные берега, эти корабли должны были казаться порождением самого ада.

Викинги (от древненорвежского «víkingr» – «пират», «человек из фьорда») сошли на берег не как гости. Это были выходцы из скандинавских земель, движимые сложным клуб-

ком причин.

Их набег был стремительным и безжалостным. Монахи, не имевшие ни оружия, ни военной подготовки, стали легкой добычей. Сообщения англосаксонских хроник и трудов Алкуина кратки, но выразительны в своей лаконичной ужасе. «Ярость язычников» обрушилась на «место святое». Одних убили за сопротивление, других утопили, пытавшихся спрятаться – вытащили из укрытий и предали мечу. Молодых и здоровых захватили в плен, чтобы продать в рабство. Затем начался методичный грабеж. Язычники врывались в церковь, срывали с алтарей золотые и серебряные кресты, чаши, оклады священных книг. Сокровищница монастыря, веками копившая дары пилигримов, была разграблена дочи-ста. Все, что не могли унести, ломали и оскверняли. Пожар уничтожил библиотеку – хранилище знаний, равному которому не было во всей Англии. Дым от подожженных построек поднялся высоко в небо.

Для современников это было не просто разбойное нападение. Это было кощунство, апокалиптический знак, вызов самому божественному порядку. Весть о разорении Линдисфарна молнией разнеслась по всей Европе. Известный ученый и советник Карла Великого, Алкуин Йоркский, в отчаянии писал: «Никогда прежде не появлялось такого ужаса в Британии... Вот церковь святого Кутберта забрызгана кровью служителей Божьих... святейшее место в Британии попрано ногами язычников». Он вопрошал: «Что ждать от та-

ких, если не гонения на веру?». Молитвы в монастырях всей Европы теперь стали заканчиваться новой, горькой прибавкой: «*A furore Normannorum libera nos, Domine*» – «От ярости норманнов избави нас, Господи».

Набег доказал, что море – не защита, а дорога для врага. Успех набега показал скандинавам эффективность тактики «бей-и-беги»: молниеносный удар по слабой, но богатой цели и быстрый отход до того, как подойдут местные войска. Богатая добыча с Линдисфарна стала лучшим продвижением для новых экспедиций.

Однако историческое исследование призывает смотреть через тьму страха, за пределы ужаса, на сам феномен. Набег на Линдисфарн не был спонтанной вспышкой насилия «диких варваров». Это была тщательно спланированная военно-морская операция, логичный итог сложного комплекса предпосылок, созревших в скандинавском обществе к концу VIII века.

Причины, которые вытолкнули викингов из их фьордов, были сложны и переплетены. Традиционное объяснение – «перенаселение» – требует глубокой детализации. Речь шла о кризисе системы землепользования. Скандинавия – суровый край, где плодородной земли было катастрофически мало. Право майората, по которому весь семейный надел (одадь) наследовал старший сын, оставляло младших отпрысков знатных родов (бондов) без средств к существованию. Эта амбициозная, вооруженная и лишенная перспектив

молодежь стала главной движущей силой походов. Их целью был не новый дом, а богатство и слава, которые можно было бы конвертировать в статус по возвращении.

Параллельно с социальным напряжением назревал кризис политический. Эпоха викингов – это время жесткой централизации власти в Скандинавии. Могущественные конунги, такие как Гудфред Датский или Харальд Прекрасноволосый в Норвегии, начали подчинять себе мелких независимых хёвдингов. Для аристократии, не желавшей терять автономию, море становилось пространством свободы. Организованный поход за добычей (так называемый «вик») был способом сохранить влияние и накопить ресурсы для борьбы на родине.

Но все эти амбиции остались бы бесплодными мечтами без ключевого технологического фактора – революции в кораблестроении. К моменту набега на Линдисфарн скандинавы уже несколько столетий совершенствовали свои плавучие средства.

Венцом этой эволюции стал длинный корабль – «длинник», или драккар (drekki). Его гениальная конструкция была идеальным ответом на вызовы географии и тактики. Это был не просто транспорт, а шедевр судостроения. Гибкий килевый корпус, собранный внакрой (в clinker), придавал судну прочность. Небольшая осадка (около метра) позволяла беспрепятственно ходить по мелководью рек и высаживаться на пологий берег. Универсальное парусное вооружение с боль-

шим прямоугольным парусом давало скорость и дальность. Именно такой корабль – с командой около 40-50 человек – мог пройти открытым морем от Западной Норвегии или Ютландии до Линдисфарна. Это был десантный корабль, грузовое судно и боевая платформа, воплотившая в себе дух своей эпохи – мобильный, эффективный и безжалостный. Именно эти «кони викингов» отперли для всего народа дверь в большой мир.

Таким образом, набег на Линдисфарн 793 года представит не внезапной катастрофой, а закономерной точкой отсчета. Это был пробный камень, на котором скандинавские вожди опробовали логистику дальних морских рейдов, оценили слабость защищенных лишь молитвой богатых целей и обнаружили потрясающую эффективность своей военно-морской технологии. Хотя археологические находки свидетельствуют о более ранних контактах скандинавов с Европой, именно набег на Линдисфарн, подробно задокументированный и шокировавший современников, стал символическим и историографическим началом Эпохи Викингов. Море перестало быть границей. Оно стало дорогой, ведущей к несметным богатствам и вечной славе. И по этой дороге вот-вот должны были хлынуть тысячи.

ГЛАВА 2:

КОРАБЛЬ – ИХ ДОМ. ТЕХНОЛОГИИ И ТИПЫ ДР-

АККАРОВ, ИСКУССТВО НАВИГАЦИИ ВИКИНГОВ.

Как показал набег на Линдисфарн, именно корабль стал тем непревзойденным оружием, которое позволило викингам изменить карту Европы. Он был не просто средством передвижения, а неотъемлемой частью их культуры, ключом к открытиям новых миров – как враждебных, так и полных богатств.

Это длинное и гибкое судно, рассекающее волны под квадратным парусом, стало символом эпохи, как меч или рогатый шлем в массовом сознании (хотя последний, на самом деле, является мифом, возникшим гораздо позже).

Если социальные и политические причины, рассмотренные ранее, послужили толчком к экспансии, то корабль стал ее движущей силой. Его эволюция была медленной, кропотливой и поистине гениальной. Скандинавские мастера не открыли ничего принципиально нового – киль, набор корпуса и парус были известны и другим народам. Однако их гениальность заключалась в том, чтобы идеально скомпоновать и адаптировать эти элементы к своим уникальным потребностям.

Основой любого судна викингов был прочный, но гибкий киль, вытесанный из цельного ствола дуба. К нему крепились штевни, причудливо изогнутые, чтобы формировать высокие нос и корму. Именно эта основа придавала кораблю прочность и позволяла ему выдерживать удары океанских

волн. Корпус собирался внакрой (клинкерная обшивка), когда доски накладывались друг на друга и скреплялись железными заклепками. Эта техника, унаследованная от предков, делала судно невероятно гибким. Оно не ломалось на волнах, а «играло», подстраиваясь под них, как живое существо. Щели между досками конопатили пропитанной смолой шерстью животных или паклей, что делало корабль водонепроницаемым и прочным.

Еще одним ключевым преимуществом была его малая осадка. Драккар, несмотря на внушительную длину (корабль из Гокстада, например, достигал 23 метров), погружался в воду менее чем на метр. Это превращало его в идеальное десантное судно: викинги могли подойти вплотную к пологому берегу, высадиться без необходимости в причалах и так же быстро отступить. Эта же особенность позволяла им подниматься вверх по рекам, проникая вглубь континента – так были разграблены Париж, Севилья и многие другие города, казалось бы, надежно защищенные сушей.

Движущей силой служили и весла, и большой прямоугольный парус из грубой шерсти или льна, часто окрашенный в яркие цвета и несущий узнаваемый знак рода или конунга. Парус давал скорость на открытой воде, а весла – маневренность в бою, в штиль или при движении против ветра.

Хотя именно боевой «длинник» (langskip) – драккар – стал легендой, викинги были практичны и строили суда под конкретные задачи.

Быстрое, узкое и легкое судно, воплощение тактики «бей-и-беги». Именно такие корабли появились у берегов Линдисфарна. Они могли развивать скорость до 15-20 узлов и несли экипаж из 40-80 воинов. Грозные резные головы драконов и змеев (отсюда и название – drekki) на носу устанавливались лишь перед боем или входом в чужие воды, чтобы напугать духов и врагов. В своих водах их снимали, дабы не оскорбить своих богов.

Кнарр (Knarr) – подлинный труженик эпохи викингов. Это был широкий, более глубокий и мореходный торговый корабль. Он был короче драккара, но с большей осадкой и вместительным трюмом. Его двигал в основном парус, а весла использовались редко. На кнаррах викинги перевозили товары, скот, колонистов и их скарб к берегам Исландии, Гренландии и Северной Америки. Если драккар был боевым конем, то кнарр – неутомимой вьючной лошадью, обеспечивающей жизнеспособность всей экспансии.

Существовали и меньшие лодки – фердинги (для прибрежного плавания) и карфи (широкие грузовые паромы), составлявшие повседневную транспортную сеть Скандинавии.

Возникает закономерный вопрос: как эти отважные мореплаватели находили дорогу в открытом море без карты, компаса и хронометров? Их навигационное искусство было сложным сплавом наблюдения, опыта и, возможно, устной традиции.

Викинг-мореход был живым прибором. Он внимательно следил за солнцем, луной и звездами. По преданиям, они использовали особый прибор – «солнечный камень» (solsteinn), который, возможно, был кристаллом исландского шпата, поляризующим свет и позволяющим определить положение солнца даже в облачную погоду или в туман.

Они знали повадки птиц – увидев чайку, знали, что земля близко. Они читали море как книгу: цвет воды, форму волн, течение и направление ветра подсказывали опытному рулевому (styrimann), где находится земля. Они ориентировались на китовые тропы и миграцию рыб. Все эти приметы, собранные воедино и переданные из поколения в поколение в виде стихов-указаний (например, в исландских «Королевских зеркалах»), создавали сложнейшую ментальную карту Северной Атлантики.

Таким образом, корабль викингов был не просто деревянной конструкцией. Это был их дом, крепость, склад и конечная причина их успеха. В его гибких, пропитанных соленой водой бортах заключалась вся их философия: мобильность, адаптивность, дерзость и безграничная вера в собственные силы. Оснащенные таким совершенным инструментом, они были готовы к новым, еще более дерзким вылазкам. Их взгляд был уже устремлен дальше на запад – к туманным берегам Шотландии и Ирландии, где их ждала добыча, ничуть не уступающая сокровищам Линдисфарна, и

ВОЗМОЖНОСТЬ ОСНОВАТЬ НОВЫЕ КОРОЛЕВСТВА.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.